

ОЖИВШІЄ ПРЕДАНИЯ

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

ЦАРСКАЯ ЛЮБОВЬ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П79

Оформление серии *Алексея Дурасова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
Владимира Ненова

Прозоров, Александр Дмитриевич.

П79 Царская любовь / Александр Прозоров. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. —
(Ожившие предания. Романы А. Прозорова).

ISBN 978-5-04-004046-9

Два царевича, два сводных брата — Иван, впоследствии прозванный в народе Грозным, и Георгий, он же Саин-Булат, — какое-то время даже не подозревали о существовании друг друга. Один рос всеми презиаемым сиротой, другой воспитывался в далеком Крыму в мусульманской религии, спрятанный от глаз московских бояр. Однако судьбе угодно было свести их вместе на одном престоле и подарить любовь к двум женщинам с одним именем — Анастасия. Это чувство перевернуло не только их жизнь, но и существенно повлияло на ход российской истории.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004046-9

© Прозоров А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая

Взгляд ПРИХОЖАНКИ

*6 декабря 1546 года
Благовещенский собор
Московского Кремля*

В сей день, шестого декабря в семь тысяч пятьдесят четвертом году от сотворения мира, сразу по окончании заутрени юная боярская дочь Анастасия, младший отпрыск из рода боярских детей Захарьиных, позволила себе в Благовещенском соборе великую дерзость. Полагая остаться невидимой за краем колонны, она не стала кланяться Великому князю.

В крамольном поступке юной девушки не имелось никаких бунтарских замыслов или оскорбительных желаний. Шестнадцатилетняя девушка хотела всего лишь незаметно рассмотреть столь же молодого, неполных семнадцати лет, государя Ивана Васильевича.

Однако же вышло все с точностью до наоборот. В тот самый миг, когда свита государя про-

ходила мимо Настиного укрытия, юный Великий князь внезапно повернул голову в ее сторону и посмотрел прямо в глаза. Твердо и открыто, словно желал разглядеть самую душу боярыш-ни — и сердце екнуло, затрепетало в груди де-вушки, а по коже явно от испуга прокатилась щекочуще-горячая волна. Анастасия ощутила, как краснеют у нее уши и щеки, как невольно приоткрылся рот.

Иван Васильевич улыбнулся и вроде бы слег-ка покачал головой, словно с укоризной. Он шел дальше, окруженный боярами и рындами, — но ни на миг не сводил с Насти своего веселого и внимательного взгляда.

Девушка поняла, что попалась, растерян-но улыбнулась в ответ — и поспешила склонить голову пред властителем всея Руси.

Умолкли шаги, зашуршали шубы расходя-щихся прихожан, матушка потянула Анаста-сию за локоть к выходу — а облик юноши, его взгляд, его улыбка никак не шли из голо-вы боярской дочки, как не оставляло девушку и то странное чувство, из-за которого замирало с трепетом сердце, а по всему телу разбегалось нежное тепло.

— Матушка, он на меня посмотрел... — про-шептала Настя.

— Кто?! — оглянулась на дочь Ульяна Фе-доровна.

— Государь...

— А-а-а... — Женщина мгновенно утратила интерес и закрутила головой в поисках возможных собеседников.

— Матушка, он на меня посмотрел так, словно... словно... — никак не могла подобрать нужного слова девушка.

— Словно рублем одарил, — охотно подсказала Ульяна Федоровна. — Ну и что?

— Матушка, он так посмотрел... Словно я единственная на всем свете белом! Матушка, у меня до сих пор сердце стучит! И на душе тревожно. Мне кажется, я в него... Я в него...

— Настенька, — на этот раз Ульяна Федоровна остановилась и повернулась к ней лицом. — Настенька, тебе уже шестнадцать, давно пора повзрослеть. Ты сама подумай, кто он, а кто ты? Ему по рождению написано с правителями иноземными родниться али с князьями знатными на худой конец. Союзы в интересах державных выстраивать. Нам же с тобой за счастье из детей боярских в люди выбиться. И куда ты, Анастасия, в мечтания сказочных порхаешь, как бы тебе вовсе в девах старых не остаться! Ты бы лучше не на Иоанна пялилась, а молодцев из свит княжеских посматривала да внимание привлекала. И взгляд чтобы скромный в пол сразу, как оглянутся. Ты у меня красивая, коса длинная. Глядишь, в сердце кому и западешь...

— Матушка, ты не поняла! Он так на меня посмотрел... — Настя снова задохнулась от сладкого воспоминания.

— Посмотрел и посмотрел, — пожала плечами женщина. — Мужики, как на крыльцо поднимаются, на каждую ступеньку смотрят. Однако же замуж их не зовут. Выброси ты эту блажь из головы! Нам бы надо хоть с кем из бояр знатных разговориться, а не на мечтания пустые время тратить. Молодость мимолетна. Оглянуться не успеешь, а тебе уже осмнадцать. И кому тогда ты, дева старая, окажешься нужна? Так что, Настенька, не дури! Ну подумаешь — посмотрел? На глаза попалась, только и всего! Вздохни еще разик, и забудь!

*12 декабря 1546 года
Церковь Ризоположения
Московского Кремля*

В маленькой церквушке, притулившейся на самом краю площади, сразу за Грановитой палатой, пахло горячим воском, ладаном и сладким пчелиным медом. Здесь было тесно, сумрачно и тихо. Так тихо, что Великий князь Иван Васильевич различал потрескивание фитилей в горящих свечах, шуршание голубей в продыхах высоко под потолком и даже шелест мягкого индийского сукна, выбранного митрополитом Макарием для пошива своей мантии.

Государь всея Руси любил беседовать с патриархом. Круглый сирота, презираемый всем дворцовым окружением, он находил любовь и сострадание только здесь, у своего духовного наставника, возле мудрого, неизменно спокойного и слегка грустного святителя-иконописца. И хотя в свои неполные семнадцать лет Великий князь сумел вымахать ростом¹ крупнее всех московских бояр, в плечах развернулся на добрый аршин, а ударом кулака мог легко свалить лошадь — рядом с невысоким и хрупким седобородым старцем Иван Васильевич всегда чувствовал себя тем десятилетним мальчишкой, каковым впервые увидел нового святителя. Впервые исповедался, впервые услышал слова сочувствия и утешения, впервые за несколько лет, прошедших после смерти матери, его с нежностью погладили по голове. Рядом с митрополитом юноше было хорошо и покойно, даже благостно, и потому он не роптал, дожидаясь за спиной святителя окончания его молитвы. Разве только расстегнул скромную, без украшений, рысью шубу, крытую синим сукном, открыв свету поддетую снизу красную с золотом ферязь, и чуть сдвинул на лоб зеленую войлочную тафью.

Наконец святитель перекрестился, низко склонился перед распятием, снова перекрестил-

¹ Иван Грозный имел рост 180 см и богатырское телосложение.

ся и, повернувшись к терпеливому прихожанину, раскрыл руки:

— Иди сюда, сын мой!

— Благослови меня, отче! — Юный государь заключил наставника в столь крепкие объятия, что митрополит невольно крикнул, и тут же отпустил: — Прости, отче!

— Ништо, дитя мое, — улыбнулся старец. — Ты возмужал, это не может не радовать. Надеюсь, разум твой столь же крепок, как и руки. Ты прочел «Повесть о бесе Зерефере», отписанную тебе патриархом Иеремией, да будет милостив Господь к его многогрешной душе?

— Все прочел, отче, — кивнул юноша, огладив гладкое, еще безбородое лицо. — И «Повесть о бесе» прочел, и «Наставления простой чати», и «Об Акире Премудром», и «Стефанита и Ихнилата». И даже «Пчелу» последнюю прочел. Чем еще мне в покаях заниматься, как не книги бабкины да греческие листать?

— Ты словно сожалешь о возможности прикоснуться к мудрости величайших мыслителей ойкумены, сын мой, — укоризненно покачал головой митрополит Макарий. — Ты государь величайшей державы обитаемого мира. Дабы править достойно, тебе надлежит ведать все хитрости и воинского искусства, и дипломатии, и землемерия, и счета, и многих других наук земных и духовных.

— Я постигаю, отче, — смиренно кивнул Великий князь.

— Это славно, Иоанн... — Святитель уловил безразличие в голосе воспитанника, еще раз осенил себя крестным знамением, создав тем небольшую заминку в беседе, и спросил: — Однако же что привело тебя в храм Ризоположения в столь неурочное время, сын мой?

— Я бы хотел исповедаться, отче, — склонил голову государь всея Руси. — Ибо вожделение овладело моей душой и моим разумом. Мне не по силам справиться с сим испытанием самому.

— Вожделение? — Святитель изумленно вскинул брови. От своего воспитанника Макарий подобного признания уж точно никак не ожидал. — Что же, рассказывай. Приму твое покаяние.

Юноша задумался. Перекрестился. Затем еще раз одернул шубу и только после этого заговорил:

— Она уже два месяца ходит к воскресной службе в Благовещенском соборе. Встает в задних рядах... — Великий князь снова надолго замолчал. Опять отер лицо ладонью: — Она изящна, как лесной ландыш, ликом же подобна ангелу. Глаза ее черны, ровно зимняя ночь, брови тонки и соболины, губы алы, ровно сладкая малина, а волосы темны, как крыло ворона. Я видел ее улыбку, отче!!! И мне безмерно хочется узреть сию улыбку снова. Хочется увидеть ее улыбку, услышать звучание ее голоса, хочется коснуться ее кожи! — Иван Васильевич сжал кулак, вскинул его к губам. — Она не идет из моей головы ни на единый миг, святитель Макарий! Я постоянно вижу ее облик, я постоян-

но мечтаю познать ее желания. Я читаю книги — и гадаю о том, понравились бы они сей деве али нет? Я слушаю хоралы — и хочу разделить с нею радость сего наслаждения. Я сажусь к обеду — и представляю ее рядом за своим столом. Думы мои токмо о ней одной даже в часы молитвы! Образ девы сей заполонил жизнь мою, отче. Каюсь, святитель, ибо грешен, — склонил голову Великий князь. — Я ее вождедею.

— Порадовал ты меня, чадо мое, зело порадовал, — слабо улыбнулся митрополит, положив руку на плечо воспитанника. — Самой строгою мерой ты не с других, с самое себя вопрошаешь. И в делах и помыслах чистым пребывать желаешь, согласно заветам Господа нашего Иисуса. Однако же порицания от меня ты не услышишь, Иоанн. Ибо грех вожделения есть грех плотский и срамной, утешение пустой похоти, суть блуд животный. В тебе же не плоть срамная страдает, а сердце и душа твои. Сие не есть греховные помыслы. Влечение к женщине дано нам свыше, от самого Создателя, изрекшего: «плодитесь и размножайтесь». Желание сие, в сердце вошедшее, есть дар божий, а не грех, и епитимьи накладывать тут не за что. Живи спокойно, чадо. Твоя душа чиста пред Господом нашим. Ты достойный муж и честный христианин.

— Завтра воскресенье, отче, — поднял глаза на митрополита юноша. — Как мне поступить, скажи? Совета у тебя прошу, святитель!

— Я стану молиться за тебя, Иоанн, — перекрестил государя митрополит. — И ты молись. Господь ниспослал тебе свой дар. Он укажет и путь. Будь терпелив, дитя мое, и воздастся тебе за смирение.

— Благодарю, отче, — поцеловал благословившую его руку юноша, перекрестился и вышел из церквушки, оставив святителя наедине с высоким распятием и многоступенчатым иконостасом, уходящим верхними рядами в сизый дымный мрак.

* * *

Описанную воспитанником прихожанку митрополит узнал сразу. Пожалуй, даже еще до того, как вошедший в Благовещенский собор государь прямо в дверях воровато посмотрел влево, в сумрачную часть храма, где жались к стене самые худородные из пускаемых в Кремль бояр. Одна из стоящих там девушек торопливо опустила лицо. Действительно хрупкая — утонувшая в шубе, и ростом Иоанну самое большее по плечо, с ангельским ликом, словно выточенным индийскими мастерами из белоснежной слоновой кости. И настолько черными глазами, что издаലെка они казались просто темными точками.

— Отец Сильвестр, — негромко окликнул Макарий седобородого священника, старательно расправляющего складки патриаршей фелони. — Видишь двух женщин справа от двери, в шапках горностаевых? Передай, что после литургии с ними